

У $\frac{419}{502}$

ПЕРЕДЪ ЛЮДЬМИ.

glab

РАЗСКАЗЪ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХЪ.

Крестьянина Ф. А. Желтова.

№ 123.

МОСКВА.

Типографія Вильде, Малая Кисловка, собственный домъ
1901.

$\frac{11609}{9}$

ПЕРЕДЪ ЛЮДЬМИ.

ПЕРЕДЪ ЛЮДЬМИ.

Доволена цензурою. С.-Петербургъ, 1 декабря 1900 г.

ПЕРЕДЪ ЛЮДЬМИ.

Handwritten notes on a yellowed paper slip, including the letters "В" and "С" in cursive script.

„Около чего потрешься, того и наберешься“.
„Добра не встрѣтишь — и душу не получишь“.

Пословицы.

I.

Захаръ Вилковъ былъ мужикъ семейный, жилъ онъ самъ-третей: жена была при немъ да сынишка на возрастѣ. Захотѣлось Вилкову пристроить парнишку къ какому-нибудь ремеслу, — минуло ему 12 лѣтъ, можно смѣло за дѣло ставить. Неподалеку отъ деревни стояло большое торговое село, тамъ шорники и кожевники жили, заводовъ было много. Надумалъ Захаръ на заводъ сына отдать; посоветовался съ женой.

— Лукерья!.. Не пристроить ли намъ парнишку къ заводскому дѣлу, хоть бы въ шорники отдать, што ли... Какъ думаешь? А?

Подумала Лукерья.

— Что же, съ Богомъ,—говорить:— ремесло ему всегда пригодится, да и заработки на заводъ не мужицкой работъ чета: сколь здѣсь за пашню во все лѣто иной возьметъ,—тамъ за одинъ мѣсяць выработаешь.

— Это правда,—говорить Вилковъ,— а парнишка-то теперъ въ порѣ,— не въ подпаски же его здѣсь отдавать. Вотъ поѣду въ село при первомъ же разѣ и похлопочу.

Порѣшили.

Поѣхалъ Вилковъ въ субботу на базаръ и парнишку съ собой прихватилъ. На селѣ въ ту пору дѣла шли по торговлѣ хорошо, заводы работали, народъ на нихъ требовался. Вилковъ скоро отыскалъ мѣсто. Пришелъ онъ на одинъ большой заводъ, гдѣ шорный товаръ—ремни, шлеи да узды—работали, спросилъ, -- въ два слова мальчишку въ ученики на заводъ взяли и прямо за дѣло поставили.

Работа легкая: ремешки на доски на-

колачивать, къ печкѣ приставлять, сушить да опять назадъ снимать. Заставляли и лошадь гонять въ мялкѣ, гдѣ кожи выминаютъ, и другія мелкія работы дѣлать; привыкъ скоро парнишка ко всему, да такихъ парнишекъ, какъ онъ, на заводѣ много было.

Пріѣхалъ Вилковъ домой.

— Пристроилъ Петруху,—весело говоритъ онъ женѣ:—мѣсто первый сортъ.

— Ну, и слава Богу,—сказала Лукерья.—Домашнее дѣло не уйдетъ и безъ него.

— Вѣстимо,—подсказалъ Вилковъ:—домашнее дѣло само собой, а тамъ въ люди по крайности выйдетъ мальчишка, кой-чему понаучится, въ жизни все пригодится...

Успокоились.

мало пускали. На праздникахъ на заводѣ работы хоть и не было, такъ безъ дѣла сиди, а сбѣгать куда по дѣлу случится или на кухнѣ что пособить, такъ Петруха и тутъ.

Не всегда бывало и дѣло: иной разъ и совсѣмъ свободно, а въ свободное время и погулять Петрухѣ когда хотѣлось. Спознался Петруха съ такимъ же подросткомъ однимъ, какъ и самъ,—въ ученикахъ тотъ жилъ у сапожника,—часто и проводилъ съ нимъ досужное время. Сапожникъ жилъ не далеко: повернулъ влѣво отъ заводскихъ задворковъ, прошелъ усада три, завернулъ въ глухой закоулокъ,—тутъ онъ и есть.

На заводскомъ дѣлѣ Петруха приоровлялся ко всему, смекалъ онъ про себя, какъ нужно потрафлять, чтобы вихрамъ доставалось меньше: и за водкой кому нужно бѣгивалъ и за табакомъ,—по утайкѣ все это дѣлалось, чтобы хозяинъ не смѣтилъ, ну и полегче отъ мастеровъ бывало. Научился и врать маль-

II.

На заводскомъ дѣлѣ наострился Петруха скоро. На заводѣ народу работало всякаго много—и плохого и хорошаго, потрафлять приходилось всѣмъ: тотъ спрашиваетъ одно, другой—другое; ученикъ такъ ученикъ и есть: вездѣ поспѣвай, все понимай; за вихры таскали тоже здорово. Что же подѣлаешь? Безъ того ученья не было,—приобмыкъ парнишка и къ этому, обтерпѣлся.

Захаживалъ къ нему и отецъ.

— Привыкаешь ли?—спрашивалъ онъ его.

— Ничего,—говоритъ,—живу.

На праздники Петруха ходилъ домой рѣдко, все больше при заводѣ былъ—

чишка и обманывать. Таково ужь во-
кругъ него было. Путнаго слова, почи-
тай, не слышно, народъ кругомъ все
темный, каждый только о себѣ забо-
тился, а о чемъ путномъ не только что
о другихъ, и о себѣ некогда подумать.

И жилъ такъ Петруха и привыкаль.

— Петруха! ты что ремни не раско-
лотилъ?

— Петруха!.. печку затопи!..

Только и слышно. Не успѣлъ сдѣлать
все за разъ—вихры припасай.

— А-ахъ ты, озорникъ эдакій!.. Бал-
бесъ!..

Откудлатять голову и шабашъ,—тѣмъ
только и учили. На артелѣ жить—всею
натерпиться.

Ш.

Пошелъ разъ Петруха въ праздникъ
къ сапожникову ученику—Ермиломъ того
звали, а попросту кликали „Ермолкой“,—
добѣжалъ до калитки, забоялся на дворъ
итти,—нѣтъ ли хозяина,—заглянулъ че-
резъ заборъ, а Ермолка тутъ на дворѣ.

Обрадовался Петруха и кликнулъ ти-
хонько:

— Ермолка!..

Увидалъ его Ермолка, замахалъ рукой:
иди сюда, ничего, никого нѣтъ!

Петруха вбѣжалъ.

— Нынче самого весь день не бу-
детъ,—говорить Ермолка:—на весь день
ушелъ... пойдемъ на зады, тамъ Гарань-
ка да Мишка собрались, въ огородахъ
ждутъ.

Пошли.

Гаранька да Мишка—оба парня рослые, должно подмастерья.

— Что жъ ты долго? — спросилъ Гаранька.

— Нельзя было, — выжидалъ...

— Принесъ?

— Принесъ.

Ермолка вынулъ изъ кармана карты, потомъ досталъ кисеть съ табакомъ.

— Вотъ онъ, насилу нашель, — подъ верстакъ, дьяволъ, запряталъ!.. Я думалъ, онъ съ собой утащилъ.

— Эва, — проговорилъ Гаранька, — дай-ко-сь... На, сдавай!.. — и онъ бросилъ карты Мишкѣ.

— А бумаги захватилъ? — спросилъ Гаранька.

— И бумаги принесъ, вотъ... — подаль ему Ермолка.

— А это кто съ тобой? — спрашивалъ Гаранька, указывая на товарища Ермолки.

— Изъ заводскихъ, въ ученики недавно поступилъ.

— Новичокъ, значить?

— Новичокъ, — подсказалъ Ермолка.

Гаранька неспѣша набивалъ папироску.

— Ну, сдалъ! Начинать, што ли? Чего съ табакомъ-то копаешься? — говорилъ Мишка.

— Нну!.. успѣешь!..

— Успѣ-ешь! — передразнилъ Мишка. — Давай сюда, — онъ потянулъ кисеть, — курить такъ курить, — и Мишка тоже началъ свертывать папироску.

— Ономнясь хозяинъ большу-ущую цыгарку курилъ, заказчикъ какой-то даль, хороша, байтъ, страсть, — толковалъ Ермолка.

— Изъ листовъ?.. Прямо изъ табаку изъ листовъ?.. Знаю, куривалъ, — похвалился Гаранька.

— Куривалъ, ты все куривалъ, — говорилъ Мишка, — а по-моему, табакъ такъ табакъ и есть...

— Нѣтъ, шалишь... есть по цѣлковому за цыгарку платять, за что-нибудь да дають.

— По цѣлковому?.. По три!.. Хозяинъ баить, по три есть... Вотъ бы хватить, славно!..—перебилъ Ермолка.

— Ври больше... Почему игра?—спросилъ Мишка.

— По копейкѣ... вали!.. Хочешь, што ли?—и Гаранька передалъ папироску Ермолкѣ.

Тотъ взялъ.

— Играть будешь? — спрашивалъ Ермолка Петруху.

—Што жъ не будетъ,—будетъ... Ходи!..—командовалъ Гаранька.

— Денегъ нѣтъ... не игрывалъ...—не смѣло отозвался Петруха.

— Э эхъ, ты, простота!.. Вонъ онъ!..—брякнулъ мѣдяками въ карманъ Гаранька.

Ермолка кинулъ ему мѣдякъ:

— Играй!.. На семитку,—отдашь.

Помялся Петруха.

— Играй, чего тутъ!

Началась игра.

— Съ козырей!..

— Краля!..

— Ходи!.. Пошелъ?.. Ла-а-дно!..

— На, Петруха, покури,—предложилъ Мишка и ткнулъ ему въ зубы папироской.

— Не буду... не надо...

— Кури, чего тутъ!..

— Не буду...

— Эхъ ты, а ты учись, пока мы живы,—сказалъ со смѣхомъ Гаранька.

— Молокосось!..—Мишка бросилъ папироску въ сторону.—Поди, чай, еще обматери плачешь?..

— Потрешься, научишься, — мы тебя всякому добру обучимъ... Табакъ... што табакъ? Ты погляди, какъ мы водку хлещемъ... Ты што шестерку бросилъ, чортъ!..—ругалъ Гаранька Мишку.

— Ну, ходи, ходи... Ты вотъ новичка-то поучи, а меня што,—я ужъ ученый... Табаку не отвѣдывалъ... молокосось...

— Погоди, не вдругъ, и мы, моль, до того дойдемъ... Такъ, што ли?—приставалъ Гаранька.

Петруха молчалъ.

— Твоя взяла, сдавай!..

Играли долго, надоѣло—бросили.

Петруха проигрался.

— За тобой двѣ семитки да грошъ,—
сказалъ ему Ермолка.

— Отдамъ.

— Да моя гривна,—сказалъ и Гаранька,—
продулся, братъ.

Молчалъ Петруха.

Мишка валялся на травѣ и задиралъ
ноги кверху. Ермолка сидѣлъ на корточкахъ,
обхвативъ колѣнки, а Гаранька
опять набивалъ папироску.

— Намедни я полвыростка у хозяина
стащилъ, — хвалился Ермолка: — под-
тибрилъ ловко, и не хватился, такъ и
шабашъ...

— Продашь?

— Живымъ манеромъ... только не по-
везло—въ орлянку проигралъ.

— Игро-оки! А теперь надо бы чего
удумать, а то скучно такъ-то...

— Вотъ тебѣ и удумать... на!..—вы-
хватилъ Мишка изъ кармана пару го-
лицъ...—вчера еще припряталъ.

— Э-э, здорово!—обрадовался Гаранька.—
На гулянку хватить, посылай!..

— Погоди.

— Посылай, чортъ, чего тутъ?

— А самъ?

— Ну, пополамъ... давай снесу,—Га-
ранька вырвалъ голицы и побѣжалъ.

Мишка выругался вдогонку.

Петруха хотѣлъ уходить.

— Ты куда? — спросилъ Петруху Ер-
молка.

— Домой.

— Погоди.

— Да чего тутъ?

— Да погоди, эки ты, вмѣстѣ пой-
демъ.

Петруха остался.

Гаранька скоро прибѣжалъ.

На травѣ очутилась бутылка водки,
связка кренделей да пряники.

— Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ, вотъ... —
Гаранька выгрузилъ карманы и растя-
нулъ на травѣ.

— Погуляемъ. Ну, начинай!..

— Кто жь пить то будеть?—спросилъ Мишка.—Ермолка, пьешь?

— Ну, васъ,—я крендели...

— Вретъ, давай!..

Всѣ пили, только Петруха не сталъ. Надъ нимъ смѣялись:

— Молодъ еще.

— Молока просить.

— Щенокъ.

— Выучимъ, погоди, — утѣшалъ Гаранька.

Петрухѣ было обидно.

Покончили скоро. Ермолка собрался итти. Пошелъ и Петруха.

— Гривну не забудь, эй ты, неученый!..—кричалъ вдогонку Гаранька.—Не отдашь, я тѣ накладу!.. Въ то воскресенье штобъ было!..

— Принесеть!..—издали за него кричалъ Ермолка.

— А ты и вправду, смотри, принеси, — совѣтовалъ Ермолка,—и мнѣ не забудь.

— Да гдѣ я возьму?

— Попроси у хозяина.

— Не дастъ.

— Не дастъ, такъ стащи что-нибудь.

— Увидятъ, стащи,—развѣ хорошо?

— Дуракъ ты, больше ничего. Ремней-то у васъ видимо-невидимо, — кто доберется? — взялъ по-аккуратнѣй, бѣда не велика.

Петруха промолчалъ.

— Въ воскресенье, смотри, приходи!—кричалъ Ермолка, убѣгая домой.

Попытался Петруха попросить у Микифорыча, — мастеромъ тотъ на заводѣ былъ, ему часто Петруха за водкой да за табакомъ хаживаль.

— Микифорычъ!.. дай мнѣ пятакъ.

— А на што тебѣ? На што тебѣ, пострѣленокъ?—приставаль Микифорычъ— онъ былъ выпивши—на орѣхи, што ли, тебѣ?.. Вотъ тебѣ на орѣхи, вотъ тебѣ, вотъ!..

И Микифорычъ здорово натрепаль Петрухины вихры.

— О орѣховъ захотѣлъ!..

Поплакаль Петруха.

Подошло и воскресенье.

Утромъ дрова таскаль Петруха, дворъ подметаль, послѣ обѣда только освобо-дился и ушелъ. Ермодка ждалъ его на углу.

— Принесъ?

— Нѣту.

— Што жъ ты?

— Боязно.

— У - у, боязно, дуракъ!.. — ругался

IV.

Всю недѣлю Петрухѣ было не по себѣ: работать тошно, — жалко, что проигрался, — и завидно, что у людей деньги были. Хозяинъ ему денегъ не даваль — отецъ за получкой ходиль, да и заработокъ его пустой — учениковскій.

„Ну, такъ што? — думаетъ Петруха: — стащу ремни, — и концы въ воду“.

Потомъ одумается.

„Не ладно. Узнаютъ — обѣда... Ну ихъ къ шуту!“

А недѣля шла, скоро и воскресенье.

„Отдать бы только имъ, — пострѣль ихъ побери! проходу не дадутъ“

Ермолка.—Свернулъ бы получше въ карманъ, вотъ и все, играть бы опять начали, орѣховъ купили бы...

— Тятка придетъ, я денегъ попрошу.

— Дождидайся!.. Ты лучше не ходи: Гаранька изобьетъ, — онъ задорный; я скажу—не пустили, а ты вдругорядь безъ того и не ходи. Слышь!

Опять цѣлую недѣлю мучился Петруха. Денегъ просить боялся, ремни спрятать тоже боялся. Какъ-то разъ ночью, когда всѣ спали, Петруха тихонько всталъ и на цыпочкахъ пробрался въ сѣни: тамъ, еще съ вечера, замѣтилъ Петруха, висѣла забытая связка ремней. Сердце шибко билось у него, когда онъ къ ней подходилъ, руки дрожали. Выбралъ Петруха три ремня, свернулъ комочкомъ и подсунулъ въ уголокъ за доску. Долго не уснулъ послѣ этого Петруха, всю ночь проворочался; только бы къ самому утру заснуть, а заводскій колоколь: Тень!.. Тень!.. Тень!..—будить начали, пора вставать—четвертый часъ утра.

— Петька!.. вставай, живо!..—тормошилъ его кто-то за ноги. — Мялицу *) ходить!..

Въ заводѣ шла стукотня, — всякъ къ своему дѣлу пристраивался.

Мялицу ходить Петрухѣ не впервой—зналъ онъ это дѣло хорошо, да ремни у него изъ головы не шли. А ну, какъ узнаютъ? Ему даже казалось, что объ этомъ уже всѣ знаютъ.

Индо дрожь брала.

„А что? — говорилъ себѣ Петруха: — накоплю денегъ, тяткѣ отдамъ, а то гармонь себѣ куплю. А важно бы выучиться на гармонѣ играть, первый сортъ. Пришелъ бы домой и давай наигрывать—вотъ моль, какъ!..“

Петруха два раза ходилъ на то мѣсто, гдѣ ремни спряталъ: все думалъ, не увидать ли кто да не унесъ; на другой вечеръ перепряталъ ихъ въ сѣнникъ.

*) На шорныхъ заводахъ мялицей называется особаго рода конная машина, гдѣ мнутъ сыромятныя кожи.

„Пойду въ воскресенье и отдамъ; больше не буду... А какъ узнають?..“

Петруха боялся.

„Если бы деньги были, рази сталъ?— оправдывался онъ.— Копнулъ же дьяволъ играть тогда съ ними!“

Пошелъ куда-то Петруха по дѣлу и встрѣтился съ Гаранькой, хотѣлъ было отъ него улизнуть, да Гаранька увидалъ.

— Эй, погоди, погоди! — кричить Гаранька и догналъ.— Ты што жъ не приходилъ?

— Такъ, нельзя было.

— Такъ!.. Мы опять играли, я обыгралъ. Гривну мнѣ!

— Отдамъ. Нѣту.

— Ты смотри... а не то я тѣ накладу, я тѣ-ѣ...

— Отдамъ, чай, сказалъ!..

— То-то! Приходи, смотри, опять туда.

Гаранька побѣждалъ.

Петрухѣ ремни мерещились, и ночью пригрезилось даже, что за нихъ его били.

Совсѣмъ царю было не по себѣ.

На недѣлѣ былъ какой-то праздникъ. Въ этотъ день не работали. Рабочіе — кто домой ушли, кто на заводѣ остались; дѣло праздничное, — артель собралась вскладчину и ушла въ трактиръ. Петруха не пошелъ, да его бы и не взяли: куда ему тутъ соваться; артель пропѣетъ теперь до ночи и Микифорычъ тутъ, — онъ при такомъ разѣ всегда бываетъ за старшаго, — крѣпко любилъ Микифорычъ выпить, — ужъ жди теперь его къ вечеру на карачкахъ, какъ разъ.

Петруха припасъ ремни, чтобы удобнѣе ихъ было унести, и свернулъ клубочкомъ. На дворѣ былъ только кучеръ Михайла; выждалъ Петруха, когда Михайла, побѣдавши, спать къ лошадямъ пошелъ, и стрекнулъ со двора.

Побѣждалъ Петруха другой дорогой, по задамъ, точно боялся итти напрямки, да и то ему мерещилось, что сзади бѣгутъ и кричатъ:

— Держи!.. Держи!..

Совсѣмъ запыхался Петруха, когда добѣжалъ до закоулка, гдѣ жилъ Ермолка. На дворѣ никого не было. Петруха подождалъ. Ремни будто жгли его, — хотѣлось ему поскорѣе отдать ихъ.

— Ермолка! — звалъ онъ тихонько въ окно. — Ермолка!

Ермолка услыхалъ и выскочилъ.

— Иди скорѣе, скорѣе!.. — торопилъ Петруха и побѣжалъ. Ермолка за нимъ.

— Что? — остановилъ его Ермолка, когда они вбѣжали въ огороды.

— Вотъ!.. — Петруха, запыхавшись, сунулъ ему торопливо ремни и облегчился, точно гору свалилъ.

Ермолка потрясъ на рукѣ.

— Ловко! Пойдемъ!

Гаранька и Мишка ужъ дулись въ носки.

Гаранька билъ Мишку по носу цѣлой колодой, у Мишки носъ краснѣлся какъ свекла.

— Будеть, чо-ортъ! — ругался Мишка, закрываясь картой и оставляя во власти Гараньки только кончикъ носа.

— Разъ!.. Держи еще, держи.. рразъ!.. — хлестко душилъ его по носу Гаранька.

Мишка шурился.

Ермолка смаху побѣжалъ къ нимъ, подпрыгивая на одной ногѣ, и толкнулъ Гараньку.

— Будеть вамъ... Вотъ!.. — трясъ онъ ремнями.

— Это что?

— Петька досталъ.

— Стянулъ?.. Молодецъ, Петька!

Гаранька всталъ, посмотрѣлъ.

— Молодецъ, Петька, обучимъ и не тому... Давай, я снесу.

— Я самъ, — хотѣлъ было Ермолка.

— Пошелъ къ чорту, — я лучше тебя ходы знаю.

Ермолка уступилъ.

— На гулянку хватить и свои зачтемъ. — Ладно, што ли, Петька? — спрашивалъ Гаранька.

Тотъ отвѣтилъ:

— Ладно.

День прошелъ весело. Въ носки ужъ не играли, а играли на деньги.

Съ той поры Петька еще больше сдружился съ своими товарищами, а больше всего онъ сдружился съ Гаранькой, который его и на худыя дѣла натравлялъ.

V.

Три года прожилъ въ ученикахъ Петруха,—такъ ужъ брали: три года ученикъ, а на четвертый подмастерье. Въ ученикахъ жалованье давали пустое — едва на одежду хватало; на четвертый годъ заработокъ шелъ больше. Научился Петруха и узды вязать и шлеи шить, — больше всего къ уздамъ наторѣлъ, — на эту работу и зарился. Работа легкая, плата поштучно, сколько сработалъ, за то и деньги получилъ. Если прилежно работать, то рублей сто вѣрныхъ въ годъ на этой работѣ можно заполучить, а на хорошаго мастера и больше.

Сталъ себя Петруха считать большакомъ, къ дому льнулъ мало, — отсталъ.

Бывало, отецъ самъ ходилъ за получкой къ хозяину, а теперь придетъ развѣ только у сына что попросить, да и то—что тотъ дастъ. Петруха распоряжался деньгами какъ хотѣлъ; хотѣлъ—давалъ, хотѣлъ—нѣтъ, хотѣлъ—нужду справлялъ, а хотѣлъ и за форсами гонялся: калоши себѣ завелъ, сапоги со скрипомъ, кургузый пиджакъ,—норовилъ бариномъ обостриться,—часы даже съ цѣпочкой купить зарился. И видѣлъ отецъ, что дѣло не ладно, да ничего не подѣлаешь, когда сынъ изъ воли ушелъ. А у отца нужды было много; мужикъ Вилковъ былъ какъ есть мужикъ: нехватки по хозяйству да подати поѣдомъ его фли, то—то, то—се, сѣмена да неурожай, всякое дѣло своего спрашивало, а достатки мужицкіе извѣстны—спина да пара рукъ, на трудъ все и дѣло стоитъ, а Вилковъ былъ и на водочку слабовать, пуще всего это его и губило, да и престольные праздники Вилковъ любилъ широко справлять; если все сочестъ, такъ изъ кулька въ рогожку му-

жикъ и перебивался. Скота было мало: двѣ пары куръ, двѣ свиньи да лошаденка хирявая, — вотъ и все; была коровенка да пала,—хозяйство не ахти, далеко не уѣдешь.

Плакался на такое дѣло не мало отецъ, да дѣлу не пособить; скоро и самъ свыкся, будто такъ и надо.

А нужда пришла. Тотъ годъ былъ неурожайный, едва сѣмена пособрали, со всѣмъ выбились мужики: на новый сѣвъ да на подати, подь мирскую поруку, денегъ вздумали признанять. Дѣло было весной, въ самый жаръ работы.

Одинъ богатый согласился мужиковъ выручить, только чтобы осенью, какъ только съ полей уберутся, деньги ему сполна представили. Взяли. На долю Вилкова тоже рублей тридцать перепало. У мужика когда деньги есть, такъ онѣ не залежатся, сейчасъ же ихъ къ дѣлу пристроить... Что ихъ беречь? То надо, другое надо, вышли деньги, а тамъ, глядишь, и опять нужда на носу. Должно

нужда не отъ того, что денегъ нѣтъ, а такъ ужъ мужикъ съ ней родился, да и она на людяхъ прижилась, не лапоть — съ ноги не сбросишь. Подползла она и къ Вилкову.

Нехватки да нехватки, пришла осень, и осень Вилкову отдышки не дала: срокъ уплаты пришелъ, а у Вилкова также было голодно и пусто, какъ было и до того. Мужики кой-какъ пособирали, выплатили, не смогъ только Вилковъ.

Не потакнулъ мѣръ, потому порука.

— У тебя, — говорятъ, — сынъ въ заводѣ. — добудешь.

Пригрозили лошадь продать. Лошадь!.. Последнюю лошадь, чѣмъ только мужикъ и живъ.

„Да безъ лошади мнѣ, что безъ рукъ, — подумалъ Вилковъ, перво-на-перво въ зиму возка дровъ — все на кусокъ добудешь. А весна?.. Весной-то и совсѣмъ безъ лошади хоть помирай“.

На Петруху надежда.

Пошелъ.

На этотъ разъ Петруха остепенился, не пилъ, на книжкѣ прогуловъ не значилось. Отецъ пересказалъ ему все; Петруха выслушалъ.

— Помогу, — сказалъ Петруха — За чѣмъ же лошади лишаться — денегъ попрошу у хозяина, — дасть и впередъ.

Хозяинъ не далъ.

— Надежа, — говоритъ, — на тебя плохая: пьянствуешь часто.

Упрашивать начали и отецъ и Петруха, все дѣло объяснили — деньги нужны, потому что лошадь последнюю хотятъ со двора тащить; денегъ бы только и надо: семь рублей заработанныхъ да двадцать три впередъ.

— Не дамъ, — рѣшилъ хозяинъ. — Вотъ семь рублей получи.

— Семь рублей не помога, — говоритъ отецъ: — все равно лошадь возьмутъ.

Не надѣялся Вилковъ — мѣръ отсрочки не дастъ, бывало дѣло.

Не упрости. Хозяинъ отказалъ.

— Кабы время еще дня два терпѣло, —

говорить Петруха, — я какъ бы ни то деньгами раздобылся.

— Терпите, — сказалъ отецъ.

— Коли терпите, поѣзжай домой, а дня черезъ два заходи — оборудую.

— Кабы такое-то дѣло, — говорить отецъ.

— Оборудую, приѣзжай. Какъ можно, чтобы со двора лошадь увезти? — шутка сказать!.. Коли терпите, поѣзжай...

— Терпите, приду, — рѣшилъ отецъ и понадѣялся.

VI.

Петруха повидался съ Гаранькой.

— Дѣло есть, — сказалъ Петруха, отзывая Гараньку.

— Ну, што?

— Спроведишь на мѣсто: штуки четыре кожъ припасу?

— Ну, вотъ тебѣ! валяй, — не впервой.

— Только чтобы двадцать рублей на руки, безъ этого — ни-ни...

— Будеть, давай только.

Уговорились. На другой день къ вечеру Гаранька съ задовъ обѣщался притти, а Петруха — кожи припасти, передать, и шабашъ.

Въ тотъ день, съ самаго вечера, какъ только поужинали, забрался Петруха въ чуланъ, гдѣ кожи готовыя для ремней лежали, подвернулъ ихъ штукъ пять и связалъ, — узелъ вышелъ не малый. Припряталъ.

„На другой день къ вечеру перенесу и передамъ, — подумалъ Петруха, — а послѣзавтра и двадцать рублей на руки.

Дѣло не вышло: за Петрухой досмотрѣли. Сталъ заводчикъ на другой день выдавать кожи на кройку, не дочелся пяти — туда, сюда, — украли. Промолчалъ заводчикъ. На того думать сталъ, на другого, остановился на Петрухѣ. Петруху онъ и раньше замѣчалъ. Сталъ елѣдить.

Пошелъ Петруха на то мѣсто, гдѣ кожи спряталъ, хотѣлъ ихъ на зады къ забору отнести, какъ съ Гарянькой уговорился. Дѣло было вечеромъ, поужинавши, — не думалъ Петруха, что за нимъ заводчикъ подсматривалъ. Вытащилъ кожи Петруха, оглянулся по сторонамъ и понесъ, — тутъ его и сцапали.

— Стой!.. Это что такое!?!.. Мишка, Гришка, сюда!.. Сюда, проклятые, — воръ!.. — кричалъ заводчикъ.

Петруха обомлѣлъ, онъ точно каменный сдѣлался — столбъ столбомъ, и кожи изъ рукъ вывалились. Его окружили.

— Петька!?!.. Ло-о-вко!.. Лупи его, ребята, лупи и!..

— Стой!.. Къ хозяину его тащи!.. Къ хозяину!.. По шею его, по шею, — та-а-къ!..

— Ха-ха-ха!.. Вора пымали, во-о-ра!.. Ло-о-вко!..

Рабочіе сбѣжались, заглядывали въ лицо поблѣднѣвшему Петрухѣ и хохотали, точно были этому рады, а Петруха ничего не понималъ: ему казалось, что онъ только-что проснулся.

— Вора пымали, во-о-ра!.. — кричали рабочіе и волокли Петьку въ мастерскую.

Сказали хозяину. Тотъ пришелъ.

— Что это такое? — проговорилъ онъ, увидавъ толпу среди мастерской.

— Вора пымали, вора!..

— Петьку! — докладывалъ заводчикъ: — услѣдилъ, я услѣдилъ, хозяйское добро вздумалъ таскать... Я тѣ-ѣ!.. — замахнулся онъ на Петьку.

— Да толкомъ расскажи, — остановилъ хозяинъ.

— Кожи хотѣлъ утянуть, — цѣлый свертокъ припасъ. Я думаю, что такое кожъ не хватаетъ? Дай, думаю, послѣжу, и выслѣдилъ, — только онъ было хотѣлъ тащить ихъ, а я и тутъ, да ка-а-къ его!.. на мѣстѣ схватили, на мѣстѣ... съ кожами, и кожи вотъ... Дайте-ка сюда, ребята; вотъ онъ... Ахъ онъ, собачій сынъ, кожи таскать!..

Хозяинъ посмотрѣлъ на кожи, потомъ на Петьку.

— Меррзавецъ! — закричалъ онъ и со всего размаху ударилъ его въ лицо.

Изъ носу у Петьки брызнула кровь. Петька вздрогнулъ и закрылъ лицо руками. На него посыпались удары.

Хозяинъ озлился и билъ его по чему

попало; злоба такъ его душила, что онъ не могъ говорить, а только шипѣлъ:

— Ммерзавецъ!.. Подлецъ!..

Петька повалился въ ноги.

— Въ шею его, вонъ!.. Чтобы духу не было!.. — приказалъ хозяинъ и пнулъ его ногой.

Петьку вытолкали изъ мастерской, проволочили дворомъ и высунули пинкомъ за ворота.

Петька всю ночь пролежалъ подъ заборомъ и плакалъ. Совѣсть въ немъ вставала. Стыдъ охватилъ его и не давалъ покоя. Онъ только теперь понялъ всю свою дурноту, что пристала къ нему и навсегда заклемила позоромъ. На утро онъ пошелъ опять на заводъ, — ему думалось, что хозяинъ его проститъ и возьметъ.

— Ты что?.. Опять?.. — закричалъ на него хозяинъ.

Петька бросился въ ноги.

— Пошелъ!.. Негодяй!.. Чтобъ я опять тебя взялъ?!..

— Не буду... и пить не буду... Куда я теперь пойду?..—сквозь слезы говорилъ Петька.

— Паршивой овцѣ такова и участь. Убирайся, пока я подъ судъ тебя не отдалъ!.. Добро чужое таскать?!.. Да за вами только гляди да гляди, и не знаешь, какъ добро свое сберегать. Ахъ ты, скотина!.. Пошелъ!.. Во-о-ровствомъ заниматься!.. Ишь, что удумалъ... на чужіе капиталы раззавидѣлся?.. Да кабы всѣ такіе подлецы были, такъ не зналъ бы, какъ добро свое сберечи... корми, поивася, негодяевъ, да старайся для вася, содержи, а вы... Убирайся! И ноги чтобы на дворъ не накладывать.

Хозяинъ отвернулся и ушелъ.

Петруха нехотя пошелъ со двора, „Куда итти?.. — размышлялъ онъ. — мѣста искать?.. Воръ, воръ я, воръ!.. Воръ никому не нуженъ... Такъ воръ я, чортъ вася возьми!?!.. Негодай?.. Добро сберегать надо, а человекъ не надо?.. Можетъ-быть, я теперь всю душу изъ себя вымо-

таю, это ничего?.. Пальцами на тебя будутъ показывать: воръ!.. Что же?.. такъ и надо; воръ такъ воръ, самъ до воровства дошелъ, самъ осрамился, такова дорога“.

Петруха прямо пошелъ въ кабакъ. У него въ ухахъ только и было: Воръ!.. воръ!.. воръ!..“

— 43 —

— 43 —

ВІІ.

Гаранька въ ту недѣлю пьянствовалъ.
Петруха встрѣтилъ его въ кабакѣ.

— Чортъ!.. Ты меня смучалъ, ты, ты!
Ты доведъ до этого!—грозилъ ему кулакомъ Петька.—Водки!..

Петька опустился тяжело на стулъ и ударилъ по столу кулакомъ.

Водки подали, онъ сразу выпилъ ее всю.

„Такъ воръ я, воръ?!.. воръ?!..—повторялъ про себя Петруха.—Всѣ теперь знаютъ... воръ!.. Можетъ, такъ и надо, чтобы я былъ воръ. Что же я теперь?.. Куда я теперь?.. Срамъ!.. А-ахъ, надо было, чтобы такъ случилось!.. Дуракъ я,

дуракъ, набитый дуракъ... дуракъ и воръ... дошло... до-о-шло!.. Водки еще!.. — потребовалъ Петька и упалъ головой на столъ.—До-о-о-шло... До-о-о-шло-о-о... — плакалъ онъ.—Водки, говорятъ вамъ!.. — Поднялся Петька.—Довели, довели, чортъ возьми, довели!.. Самъ на то пошелъ... самъ!.. Самъ дуракъ!.. Дья-волы!.. Я ввасъ, дья-вволы!..—рычалъ Петруха.—Я вва-а-съ!..

Петруха ничего не понималъ, онъ не понималъ, что выпилъ водки уже цѣлыхъ два полштофа, и не понималъ, что передъ нимъ давно стоялъ пьяный Гаранька и что то говорилъ.

— Я вва-а-асъ!.. На-те, берите, воръ я, воо-о-ръ!.. во-оръ, дьяволъ васъ возьми!.. Въ шею!.. Такъ и надо... такъ и надо... Бей!..

Петруха опять стукнулъ кулакомъ.

— Б-бей!..

Гаранька наклонился и сталъ его тормошить. Петруха вскинулъ на него глазами.

— Ты што?!.. Ты-ы што?!..—вскочилъ Петруха. — Опять смучать?.. Опя-я-ть?!.

Онъ сцѣпилъ зубы, наклонился впередъ, сжалъ кулаки и уставился пьяными глазами на Гараньку.

— Опя-я-ть!.. Сата-а-на!.. Вотъ тебѣ за все!..

Петруха съ размаху ударилъ кулакомъ въ Гаранькину грудь, тотъ запрокинулся назадъ и со всего маху ударился головой объ уголь стойки: брызнула кровь. Гаранька повалился на полъ и захрипѣлъ.

Съ Петрухи сразу соскочилъ весь хмель. Около него кричали:

— Убилъ, убилъ, убилъ!..

А Петръ стоялъ и не двигался.

Народъ шумѣлъ: кто бѣжалъ прочь, кто подходилъ. На Петра было глядѣть страшно: весь побѣдѣлъ, глаза раскрылись широко, по лицу бѣгали судороги, — стоитъ точно безумный и не двигается.

• • • • •
— Что за происшествіе?—проговорилъ

явившійся урядникъ, потряхивая саблей и пробираясь толпой.

— Убійство!..

Урядникъ нагнулся къ Гаранькѣ и посмотрѣлъ, — тотъ не дышалъ.

— Кто же это его?..

Всѣ молчали.

— Я!.. — раздался вдругъ глухой голосъ. — Берите меня — все равно... Петруха протянулъ руки. Этого не доставало!.. только этого не доставало!.. — и заплакалъ.

стольный праздникъ. Въ этотъ день съ самаго ранняго утра, несмотря на горячую рабочую пору, весь деревенскій міръ справлялъ свой годовой праздникъ. Народъ ходилъ со двора на дворъ, угощался виномъ, пивомъ и брагой, пѣлъ пѣсни и толпился около дворовъ и на улицѣ, а больше всего народу было около деревенскаго кабака.

Артель мужиковъ, въ сторонѣ, на лугу, распивала четверть. Изъ кабака неслись пьяныя пѣсни и ругань. Слышно было, что тамъ кого-то гнали и кто-то ругался. Черезъ минуту оттуда вылетѣла чья-то пьяная фигура, которую вытолкнули изъ дверей кабака здоровымъ пинкомъ въ спину; пьяный взмахнулъ руками и, распластавъ ихъ въ воздухѣ, точно собираясь летѣть, съ размаху шлепнулся на землю и окровянилъ себѣ лицо.

Это былъ Вилковъ.

— Черти, — завопилъ онъ, поднявшись, — души въ васъ, дьяволы, нѣтъ!.. Можетъ, я потому и пью, что горестъ свою

VIII.

Когда отецъ Петрухи пріѣхалъ въ село, Петрухи ужъ тамъ не было, — его увезли въ острогъ.

Помутилась у старика душа, какъ узналъ онъ, что съ сыномъ стряслось. Закружилъ совсѣмъ Вилковъ и запилъ, домой воротился безъ шубы. Съ той поры хозяйство у него по всѣмъ четыремъ угламъ врозь пошло, и нужда еще сильнѣе наслѣла. Шелъ въ людяхъ толкъ про Петра, что скоро его въ окружномъ судить будутъ. Скоро и вѣсти о судѣ въявь до Вилкова дошли — то было въ самый пре-

хочу утолить... Го-о-ресть хочу утолить! — Онъ билъ себя кулакомъ въ раскрытую грудь. — Вотъ она гдѣ... во-о-тъ!.. сосеть, подлая... а вамъ для человѣка стака-на жалко!.. Ххыть-тьфу!.. Ххыть-тьфу!.. сплевываль онъ кровь, которая текла изъ расшибленной губы. — Я, мо... можетъ, ду-шу свою измоталъ. Ду-у-шу измоталъ!.. а вамъ стакана жалко... мо... мо... моченьки нѣту... тягота!.. а вамъ стакана... да еще... о-охъ, в-вы!.. кровопійцы!.. измотали... измота-а-ли!..

— Да перестань, дядя Захаръ, — крикнули ему мужики изъ артели, — это тебя тутъ... иди сюда, иди, мы тебѣ сейчасъ соорудемъ... На, поди, пей, — подносили ему стаканъ, — пей!.. Эхъ ты, милый че-лаэкъ... милый... понимаемъ тоже, небось, коли праздникъ — пей!..

— Во... во!.. — говорилъ обрадованный Вилковъ. — Во... это такъ... по хрес-янски... а то... ду-у-шу... душа-то, братъ, она закрыта! показалъ бы я, може,

тебѣ душу-то... Э-эхъ, горести, одно слово!..

Вилковъ выпилъ стаканъ и утерся.

— Вотъ какъ!.. вотъ какъ!.. — крикнулъ почти не своимъ голосомъ Захаръ. — Еже-ли бы было можно... нате, моль, право-славные, глядите!.. а то стаканъ... поми-рать бы лучше, кажись... потому кровь своя... свою кровь жалко... кровь своя стра-а-дае етъ!.. — колотилъ онъ опять въ грудь. — Родное дите!..

— Какъ не жаль — единственный сынъ, — подтвердили мужики. — Поди, сердце-го нитьемъ изныло...

— Ми!.. — потрясъ головой Захаръ и не сказалъ больше, только руками заерзалъ.

Захару поднесли еще. Скоро онъ со-всѣмъ захмелѣлъ и свалился прямо на солнопекъ, на траву, и захрапѣлъ.

— Охъ, охъ, охъ... жисть! — сказалъ сидѣвшій рядомъ со старостой мужикъ.

— Допрежь мужикъ-то былъ справ-ный, — говорилъ десятскій Липать. — По-ди жъ ты, какъ его пришибло!

— Предѣлъ,—подтвердилъ староста.

— Парня-то жаль—Петруху-то,—продолжалъ Липать:—сгибь... Кабы на деревнѣ былъ, можетъ и до ею пору на правскихъ дѣлахъ состоялъ. Въ дому-то онъ опора единственная, а вышла же, поди вотъ, такая оказія...

— Грѣхи,—проговорилъ опять староста.

— То-то, грѣхи, кабы не грѣхи, такъ бы што, а ты вотъ видишь, грѣхи-то и тянуть; въ грѣхахъ-то вотъ вся суть, — продолжалъ Липать.—Да чьи они грѣхи-то? Можетъ, не одного его грѣхи, Петра-то, можетъ и другіе чьи на такія дѣла его толкали.

— Жисть одно слово. Предѣлъ,—говорилъ староста.

— Когда судъ-то надъ емъ?—спросили мужики.

— Кондратьичу наказъ былъ на вчерашній да сегодняшній день въ окружномъ состоять. Полагать надо, что сегодня къ вечеру обратится,—отвѣтилъ староста.

— Ишь линія вышла — присяжный! — проговорилъ десятскій, наливая стаканъ.

Затихшая артель опять начала свою попойку.

Къ вечеру, на самомъ закатѣ солнца, вернулся и Кондратьичъ въ деревню.

Его завидѣли еще издали, когда онъ показался вдаль по пыльной дорогѣ съ котомкой за плечами и палкой въ рукахъ. Послѣ жаркаго дня, прохладнымъ вечеромъ, народъ весь былъ на улицѣ. У кабака все также сидѣли мужики, только которые опились до того, что лежали ужъ пластомъ на землѣ.

— А вѣдь, поди, это Кондратьичъ идетъ,—указалъ одинъ изъ сидѣвшихъ мужиковъ на дорогу.

— Кондратьичъ и есть,—подтвердили другіе.—Съ окружнаго... присяжный... съ вѣстями, поди?... Что-то съ Петромъ-то... Эй, Захаръ, Захаръ!..—будили мужики спавшаго Вилкова.

Кондратьичъ подходилъ ближе, а завидя его, все сбѣгались къ кабаку.

— Эй, Захарь, слышь, што ли?!.. вставай!.. Кондратьичь вернулся... съ окружнаго...

Захарь лѣнливо открылъ глаза, повернулся на брюхо и, приподнявшись на локтяхъ, безсмысленно уставился на толпу.

А Кондратьича окружили и закидывали вопросами.

Проспавшійся Захарь, увидавъ Кондратьича, вдругъ почувялъ, что у него внутри что-то оборвалось; онъ вскочилъ и, расталкивая толпу, пробрался къ Кондратьичу и какъ-то глухо, отрывисто спросилъ:

— Ну, што?..

Кондратьичь только махнулъ рукой и сѣлъ прямо наземь.

Толпа молчала, а Захарь слѣдилъ за каждымъ движеніемъ Кондратьича и замеръ на мѣстѣ, ожидая услышать что-то страшное.

— Кончено, други... Петрухи-то жалъ...—заговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ.—Молодъ еще... Когда его судили,

все плакалъ, сердешный... навзрыдъ... Виновать, говорить, передъ Богомъ. А самъ все плачетъ, все плачетъ... блѣдный, блѣдный, точно мертвецъ... исхудалъ-то ка-а-къ...

На глазахъ Кондратьича навернулись слезы.

— Домой все просился... Грѣхъ, говорить, замаливать буду... Душой, говорить, я ослабъ... Вишь свѣта привѣта добраго во всю жизнь не видалъ чловѣкъ,—только и было одно, что его къ грѣхамъ притягало и толкало его такъ все впередъ да впередъ до той поры, пока совсѣмъ не сгубился парень...

Кондратьичь замолкъ и протянулъ свои уставшія ноги, отмахавшія за этотъ день слишкомъ 60 верстъ.

— Осудили?—спросили изъ толпы.

— Судъ коротокъ... извѣстно, — проговорилъ Кондратьичь, не глядя на толпу.

— Чѣмъ порѣшили-то? — нетерпѣливо спросилъ десятскій Лицать.

Т. 1407

— Порѣшили съ концомъ: на ссылку въ Сибирь.

Кондратьичъ закрылъ лицо руками, точно ему стыдно стало глядѣть на толпу.

Толпу какъ-то пришибло. Все молча начали расходиться, даже захмелѣвшіе и тѣ поплелись домой. Несчастнѣйшій Захаръ словно замеръ на мѣстѣ: какъ стоялъ, такъ и остался; а Кондратьичъ долго сидѣлъ съ опущенной на руки головой и думалъ тяжелую думу.

К О Н Е Ц Ъ .